
Человек,
которого я
простила
Ани Еганян

Ани Еганян

Человек, которого я простила

«Автор»
2026

Еганян А.

Человек, которого я простила / А. Еганян — «Автор», 2026

Двенадцать лет Вера пыталась научиться жить с прошлым. Двенадцать лет она считала, что знает, кто виновен в смерти её мужа. И двенадцать лет убеждала себя, что сумела простить.Но однажды приговор человеку, которого она считала убийцей, отменяют.Никита возвращается в её жизнь — не с просьбой о прощении, а с правдой, которую слишком долго никто не хотел слышать.Теперь Вере предстоит столкнуться не только с человеком, которого она пыталась забыть, но и с собственными воспоминаниями, сомнениями и решениями. Ведь иногда самое страшное открытие заключается не в том, что тебе солгали, а в том, что ты сам помог этой лжи стать правдой.Между двумя людьми, чьи судьбы разрушило прошлое, возникает чувство, которому, казалось бы, не должно быть места.Но можно ли построить любовь там, где до сих пор живёт вина? И всегда ли прощение означает право начать сначала?

© Еганян А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Подпись 6
Глава 2. Дверь 10
Глава 3. Четыре года 14
Глава 4. Другой человек 18
Глава 5. Семейный ужин 22
Глава 6. Без назначения платежа 26
Глава 7. Имя матери 30
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Ани Еганян
Человек, которого я простила

Человек, которого я простила
Роман

Глава 1. Подпись

Женщина в третьем ряду спросила, можно ли простить человека, который ни разу не попросил прощения.

Вера услышала вопрос раньше, чем женщина закончила говорить. Она знала, как та сейчас поправит дужку очков, сожмёт в кулаке бумажный стаканчик и добавит что-нибудь про мужа. За последние пять лет Вера научилась различать это по голосу. Люди начинали с общего, будто спрашивали о погоде, а потом доставали из него того, с кем прожили половину жизни.

— Он считает, что ничего не сделал, — сказала женщина. — А я всё равно с этим просыпаюсь.

У окна за её спиной уборщица протирала стекло. Круглое пятно под ладонью исчезало и возникало снова. За стеклом лежал мокрый ноябрьский вечер, в котором уже нельзя было разобрать, шёл дождь или просто светились фонари.

— Иногда просьба так и не приходит, — ответила Вера. — У меня её не было.

Женщина кивнула. Этой части ответа было достаточно, но Вера продолжила. Встреча подходила к концу, и требовалось оставить людям что-нибудь, с чем они смогут подняться со складных стульев.

— Я очень долго ждала, что он поймёт. Мне казалось, тогда изменится и моя жизнь. Потом я поняла, сколько времени продолжаю ему отдавать.

Это было правдой. Во всяком случае, когда-то она так чувствовала. Утром в день первой встречи с читателями её рвало в гостиничном туалете, а потом она вышла и рассказала ту же историю, всё ещё ощущая под языком кислый вкус. Из зала к ней подошла девочка с коротко обстриженными волосами и попросила разрешения обнять. Вера разрешила. Девочка плакала ей в плечо, и тогда Вера впервые за несколько лет почувствовала, что её собственная жизнь ещё для чего-то годится.

Теперь она умела произносить нужные слова без тошноты.

Сотрудница магазина за спиной Веры подняла ладонь, показывая оставшиеся пять минут. На столе между двумя бутылками воды лежала стопка нового издания «После тебя». Обложку сделали светлее. На прежней была пустая скамейка, на новой — размытая фигура женщины у реки. Лена говорила, что книге давно пора выйти из траура.

— Но вы же его никогда не видели? — спросил мужчина у прохода.

— После суда — нет.

— И даже не хотели?

Вера провела большим пальцем по краю раскрытой книги. У неё было заготовлено несколько ответов. Самый короткий звучал убедительнее остальных, поэтому она произнесла его:

— Мне не нужно было видеть его, чтобы продолжить жить.

Мужчина опустил голову, точно согласился с чем-то, что она объяснила ему лично. Во втором ряду кто-то выдохнул. Вера заметила девушку с поднятым телефоном: та снимала ещё с середины встречи.

Она вдруг подумала, что дома Илья, наверное, опять ест над раковиной. Он считал тарелку ненужным посредником между человеком и бутербродом. Утром она оставила ему суп и написала на контейнере: «Разогреть три минуты». Он приписал снизу: «Веру Сергеевну тоже».

Вера улыбнулась, и девушка с телефоном улыбнулась ей в ответ, приняв это на свой счёт.

После аплодисментов к столу выстроилась очередь. Первые книги были свежими, пахли типографской краской. Потом пошли старые, с загнутыми уголками, пятнами и разноцветными закладками. С одной обложки смотрела почти стёртая скамейка.

— Для кого подписать?

— Для мамы. Ей очень нужно.

— Как зовут маму?

— Наталья.

Вера написала: «Наталье. Пусть однажды станет легче». На последнем слове ручка перестала писать. Она обвела две буквы, испугавшись, что женщина увидит в неровной строчке дурное предзнаменование.

Следом подошёл пожилой мужчина в слишком большой куртке. Пока другие говорили, он держал книгу у живота обеими руками. Теперь положил её перед Верой, но пальцы не разжал.

— Вы сначала послушайте, — сказал он.

У него был сильный запах табака и сухой уличный кашель. Вера отодвинула бутылку воды, освобождая место.

— Я слушаю.

— Сын у меня. Мы не разговариваем. Четвёртый год.

Мужчина посмотрел на стоявших сзади. Женщина с сумкой отступила на шаг, предоставляя ему немного одиночества посреди магазина.

— Я ему много чего сказал. Он тогда ушёл, а я ещё вдогонку. Понимаете?

Вера понимала в том смысле, в каком понимала чужие рассказы на встречах: она могла представить прихожую, распахнутую дверь, человека, который кричит громче, чтобы уходящий непременно услышал. Но того, что он сказал сыну, она не знала, и сейчас почему-то особенно ясно чувствовала эту границу.

— Подпишите ему, — попросил мужчина. — Может, вас почитает.

— Как его зовут?

— Павел.

Ручка зависла над страницей.

Мужчина смотрел на неё с таким ожиданием, будто сейчас она могла сделать за него то, что он четыре года не решался сделать сам. Вера представляла, как Павел вскроет пакет, увидит книгу чужой женщины и поймёт, что отец опять предлагает ему работу.

— А вы писали ему? — спросила она.

— Ну я звоню. Он не берёт.

— Я имею в виду — про то, что вы сейчас рассказали.

Мужчина нахмурился.

— Я же отец. Он знает, что я за него переживаю.

Сотрудница магазина поставила рядом новую стопку. У мужчины за спиной зазвонил телефон; он сбросил вызов, не глядя на экран.

— Что написать-то? — спросил он уже суше. — Вы знаете, как лучше.

Вера вывела: «Павлу от отца». Внизу поставила свою подпись и дату.

Мужчина прочитал. На секунду Вере показалось, что он сейчас вернёт книгу. Но он забрал её и кивнул с обидной учтивостью, которой люди пользуются, когда им отказали в помощи и они ещё не решили, имеют ли право сердиться.

Она проводила его взглядом. Пластиковый пакет ударял его по колену. Снаружи у дверей он остановился, вынул книгу и снова раскрыл на первой странице.

Телефон Веры, перевёрнутый экраном вниз, завибрировал возле локтя.

Номер был незнакомый. Она отклонила вызов.

Последняя читательница принесла две книги и попросила отдельную подпись для сестры. Сестра лечилась, собиралась приехать сама, но не получилось. Вера внимательно выслушала, спросила имя и написала разные пожелания. Когда женщина ушла, Вера увидела на экране три пропущенных с одного номера и сообщение.

«Вера Сергеевна, это Ирина Соколова, адвокат Никиты Орлова. Пожалуйста, перезвоните. Вопрос касается решения суда и нового издания вашей книги».

Имя выглядело странно в сообщении. Слишком коротким. Оно привыкло существовать в другом окружении: рядом со словом «осуждённый», в старых распечатках, в вопросах журналистов, которые она просила не задавать при сыне.

Сотрудница магазина протянула Вере ещё одну книгу.

— Можно для нас? На память о встрече.

— Конечно.

Она открыла титульный лист.

— Коллективу магазина? — подсказала сотрудница.

Вера начала писать, но после третьей буквы остановилась.

— Простите. Мне нужно позвонить.

В служебном коридоре пахло картоном, кофе и перегретой проводкой. Сотрудница показала на дверь с листком «Персонал» и ушла заканчивать уборку зала. Вера осталась между коробками с новогодними календарями и набрала номер.

— Да, Вера Сергеевна.

Голос был спокойный, без того особого смягчения, которое Вера научилась слышать прежде любой плохой новости.

— Я прочитала сообщение. Что случилось?

— Сегодня Никиту Андреевича оправдали. Решение после нового рассмотрения. Я хотела сообщить вам до того, как вы увидите публикации.

Вера смотрела на календарь, торчавший из раскрытой коробки. На обложке щенок держал в зубах красную варежку.

— Что значит — оправдали?

— Суд признал его невиновным в смерти вашего мужа.

Она подняла свободную руку и прижала пальцы к горлу. Не потому, что нечем было дышать. Ей казалось, оттуда сейчас выйдет какой-то звук, которого она не сможет остановить.

— Я знала, что дело пересматривают. Мне присылали... Но это же не...

— Вы можете получить копию решения. Я пришлю вам контакты и поясню, как это сделать. Сейчас у нас есть ещё один вопрос. Издательство выпускает вашу книгу с прежним текстом?

За дверью засмеялись. Кто-то уронил связку ключей.

— Уже выпустило, — сказала Вера.

— Там по-прежнему указано полное имя Никиты Андреевича?

— Я не понимаю, как это могло произойти.

— Это долгий разговор. Лучше вести его с документами.

Вера закрыла глаза. В памяти мгновенно возник ноябрьский коридор: жёлтая лампа, дверной косяк, мужская ладонь на белой стене. Дальше память показывала то, что она рассказывала двенадцать лет, и Вера впервые не смогла различить, где заканчивается сам вечер.

— Он вышел? — спросила она.

— Да.

— Сегодня?

— Да, сегодня.

Соколова помолчала, ожидая, что Вера скажет ещё. Та слышала в трубке тихое шуршание, движение воздуха, обыкновенные звуки места, где продолжалась чья-то жизнь.

— Он хочет встретиться со мной?

— Он хочет, чтобы о нём перестали говорить как об убийце. О встрече я спрошу отдельно.

Вера опустилась на коробку с календарями. Картон хрустнул под ней.

— Я ведь видела его, — произнесла она.

Ирина ответила не сразу.

— Я знаю, что вы видели его. Нам придётся очень точно отделить это от остального.

Когда разговор закончился, Вера ещё некоторое время держала телефон возле уха. Экран погас. Она увидела в нём кусок своего лица и отпечаток пальца на щеке, там, где прижимала аппарат.

Издательство звонило следом. Потом мать. Наверное, новость уже вышла.

Вера не отвечала.

В кармане сумки лежал экземпляр, подписанный для магазина. Она достала его и раскрыла. На чистой странице было написано: «Кол».

Три буквы, с которых ещё можно было начать любое слово.

Глава 2. Дверь

Лариса купила брату куртку на размер больше.

Она поняла это, когда он вышел на крыльцо и остановился перед нижней ступенькой: плечевой шов сполз, рукава закрывали костяшки. В магазине продавщица спросила, полный ли мужчина, и Лариса ответила, что обычный. Она не знала, как по-другому объяснить человека, которого видела столько лет сидящим.

— Давай застегну, — сказала она.

Никита отступил на полшага.

— Я сам.

Молния не попадала в замок. Он попробовал ещё раз и бросил.

Лариса сделала вид, что ищет что-то в сумке. Пока она перебирала ненужные чеки, брат всё-таки застегнулся и поднял воротник.

Ирина вышла следом. Она говорила по телефону, прижимая папку к боку. Увидев Никиту, показала ему пальцами: одну минуту.

— Поедем сразу домой? — спросила Лариса.

Слово получилось слишком широким. Она ждала, что он переспросит, куда именно, но Никита посмотрел на мокрую лестницу.

— Сейчас.

Он стоял и смотрел на реку машин за оградой. Одна из них притормозила у лужи, пропуская женщину с детской коляской. Водитель помахал ей, она благодарно подняла руку, и машина поехала дальше. Никита проследил за ней до поворота. Ничего необыкновенного не случилось, но он смотрел так долго, что Лариса успела испугаться: может быть, у него кружится голова.

— Поесть хочешь?

— Пока нет.

— Я с собой взяла.

— Лар, потом.

Она замолчала. За утро это был уже четвёртый вопрос про еду. Накануне она приготовила котлеты, купила солёную рыбу, два вида сыра и зачем-то мандарины. В отделе фруктов пахло Новым годом, и она захотела, чтобы дома тоже пахло чем-нибудь знакомым.

Ирина убрала телефон.

— Никита Андреевич, я вечером пришлю всё, что сегодня обсуждали. Спешить с заявлениями не нужно. И если вам будут звонить...

— Я помню.

— Хорошо. Тогда до завтра.

Она пожала ему руку. Никита, ожидавший продолжения, едва успел ответить на рукопожатие.

Лариса вызвала такси. Приложение написало, что водитель будет через семь минут. Она сообщила это брату, как докладывала о задержке поезда.

— Пешком нельзя?

— Можно. Только далеко.

— Тогда походим пока.

Они спустились. Под ногами оказалась плохо закреплённая решётка водостока; Никита наступил на неё, та качнулась и стукнула. Он оглянулся, будто звук мог помешать кому-то внутри здания.

У ворот стоял молодой мужчина с камерой. Лариса успела увидеть, как он поднял голову, узнав Ирину, и встала между ним и братом.

— Нам не надо, — сказала она.

— Я только один вопрос. Вы сейчас что чувствуете?

Никита остановился. Лариса дёрнула его за локоть, но он высвободился без резкости.

— У меня нога мокрая, — сказал он. — Наступил.

Мужчина опустил камеру, решая, можно ли принять это за ответ. Никита пошёл дальше.

На другой стороне улицы они вошли в маленькую пекарню. Над дверью звякнул колокольчик. Никита посмотрел вверх, потом на прилавок. За стеклом лежали пироги, какие-то треугольники с блестящим тестом и длинные булки, посыпанные семечками.

— Возьмём с капустой? — спросила Лариса.

— Ты же взяла еду.

— Пусть будет.

Продавщица спросила, сколько штук, и Никита почему-то сказал: «Извините».

Он сам услышал это слово и замолчал. Продавщица подождала.

— Два, — ответила Лариса.

— По сто сорок. Греть?

— Да.

Никита достал из кармана деньги, которые утром дала ему сестра. Между купюрами лежала бумажка с её адресом. Он положил одну купюру на прилавок, внимательно глядя на руки продавщицы.

— У нас можно картой, — сказала та.

— Мне так.

Он забрал сдачу и чек. Лариса ждала у двери. Таксист уже звонил, и она объясняла, что они перешли на другую сторону.

В машине Никита поставил пакет с пирогами на колени. Тёплое масло проступило через бумагу.

— Ешь, пока горячие, — сказала Лариса.

Он развернул один. Капуста была слишком сладкая. Никита откусил, прожевал и почувствовал такую обиду, что испугался собственного лица. Он заранее не ждал ничего особенного от этого дня, запрещал себе ждать, и всё-таки где-то представлял: снаружи будет вкусно.

— Не нравится? — спросила сестра.

— Нормально.

Он доел и аккуратно сложил обёртку.

Водитель включил радио. Ведущий несколько раз подряд повторил название торгового центра. Потом началась старая песня, которую Никита помнил, но в другом исполнении. Теперь её пела женщина, растягивая слова, которые раньше звучали быстро.

— Можно потише? — попросил он.

— Конечно, — ответил водитель и выключил совсем.

Никита едва не извинился снова.

У Ларисы дома пахло жареным луком и стиральным порошком. Дверь в ванную распухла снизу, как и прежде, и не закрывалась без толчка. На кухне стоял новый холодильник. Никита остановился перед ним.

— Старый выбросили?

— Сгорел. В прошлом году.

— Там реле надо было.

— Он совсем сгорел, Никит. Мастер смотрел.

На подоконнике сохранился горшок с толстянкой. Только растение выросло в сторону, а край подоконника был надставлен белой пластиковой доской.

— Тут тебе, — сказала Лариса, показывая маленькую комнату. — Диван раскладывается. Я всё перестелила. В шкафу верхние две полки свободные. Нижнюю освобожу завтра, там пока мамино.

Никита повернулся к ней.

— Что мамино?

Лариса сразу поняла, что ошиблась.

— Пакеты. Одежда кое-какая. Я не всё разобрала.

Он снял куртку, повесил её на спинку стула и открыл шкаф.

На нижней полке лежали серое пальто, шерстяная кофта, пакет с вязанием и коробка из-под чайника. Никита провёл ладонью по пальто. Шерсть была жёсткой, незнакомой.

— Это не её, — сказал он.

— Её. Она потом купила.

Он убрал руку.

Мать успела купить другое пальто. Успела ходить в нём по городу, жаловаться на неудобный воротник, повесить куда-то после последнего выхода. Никита знал, что её нет семь лет. Но до этой минуты её жизнь между последним свиданием и смертью представлялась ему продолжением той же комнаты, в которой он её помнил. Пальто показывало, что там тоже шло время.

Он закрыл шкаф.

— Поедем к ней завтра? — спросила Лариса.

— Завтра.

— Я с утра свободна.

— Я один.

Она хотела объяснить, как найти участок, потом вспомнила, что он этого ещё не спрашивал.

На кухне они ели котлеты. Лариса рассказала про соседку снизу, которая затопила сама себя, неправильно подключив машинку, про больничное отделение, где теперь работала, про сына, служившего далеко и обещавшего позвонить вечером. Никита слушал, не всегда успевая привязать людей к знакомым лицам. Племянник, которого он помнил маленьким, теперь женился. Соседка, вечно курившая на лестнице, умерла. Продуктовый магазин на углу стал пунктом выдачи, и Лариса объясняла это так, словно там выдавали какие-то специальные разрешения.

Он спросил только про кота.

— Который серый? — уточнила она.

Никита кивнул.

Лариса положила вилку.

— Давно, Никит. Ему уже тогда лет десять было.

Он знал. Просто хотелось, чтобы хоть на один вопрос ответили иначе.

После еды сестра принесла телефон. Недорогой, в чёрном чехле, с уже наклеенным стеклом.

— Я номера записала. Мой, Ирины. Если хочешь, Галины тоже.

Никита перевернул аппарат.

— Она знает?

— Знает.

— Сама сказала, чтобы дала номер?

Лариса разгладила ладонью скатерть.

— Я спросила, можно ли.

— Понятно.

— Никит, ей ведь тоже...

— Я сказал — понятно.

На этом они замолчали. В соседней квартире ребёнок катил что-то тяжёлое по полу. Колёса проходили над кухней, останавливались и возвращались.

Лариса показала, как разблокировать экран, как позвонить и как увеличить буквы. Никита повторил. Со второго раза получилось.

— Алисе пятнадцать, — сказала сестра тихо. — Она уже большая. Там надо осторожно.

— Я помню, сколько ей.

Он ответил слишком резко. Лариса поднялась убрать посуду. На секунду Никита увидел, что у неё болит спина: сестра придержала поясницу, прежде чем нагнуться к шкафчику. Ему захотелось помочь, но он не понял, какой предмет взять первым, чтобы не оказаться у неё на пути.

— Лар.

Она обернулась.

— Спасибо.

— Да ерунда. Ты иди отдыхай.

В комнате Никита сел на неразложенный диван. Телефон лежал перед ним на покрывале. Он нашёл номер Галины и долго смотрел на него, затем открыл новое сообщение.

«Я вышел».

Он прочитал, стёр.

«Меня оправдали».

Стёр и это. Она знала. Теперь нужно было написать что-то другое, но он не представлял, с какого места можно начать разговор через двенадцать лет.

Лариса постучала в косяк.

— Чаю ещё сделать?

Никита положил телефон экраном вниз.

— Потом.

— Точно?

— Точно.

Она прикрыла дверь и тут же открыла опять.

— Я рядом, если что.

Он кивнул.

Когда шаги стихли, Никита встал и подошёл к двери. На внутренней стороне ещё виднелись карандашные риски, которыми отмечали рост племянника. Последняя была почти на уровне его плеча. Он провёл пальцем по выцветшей дате, потом взялся за ручку.

Никто не остановил его.

Он закрыл дверь, немного постоял и снова открыл.

Глава 3. Четыре года

Илья действительно ел над раковиной. Только не бутерброд: он держал в ладонях горячую картофелину, которую только что достал из микроволновки, и дул на неё.

— Там суп был, — сказала Вера.

— Был.

— Ты съел?

— Не знаю, как ещё ответить.

Она сняла пальто. Дома оказалось жарко, и после улицы сразу начало гореть лицо.

— На тарелку положи. Обожжёшься.

Илья положил картофелину на тарелку, подождал, пока мать отвернётся, и снова взял в руки. Вера заметила это в отражении окна и впервые за вечер почти улыбнулась.

Потом он сказал:

— Мне скинули.

Она остановилась у холодильника.

— Что скинули?

— Мам.

Вера увидела на столе его телефон. На экране была новость с фотографией Никиты Орлова. Свежей. Он стоял возле здания в тёмной куртке и смотрел куда-то мимо фотографа. Увидев его лицо, Вера сразу вспомнила другое: гладкое, с заживающей ссадиной над бровью, за стеклом, отражавшим людей в зале суда.

Теперь у него была седина на висках.

— Я только узнала, — сказала она.

Илья разломил картофелину. Над жёлтой мякотью поднялся пар.

— Бабушка уже звонила. Сказала, чтобы я ничего не читал.

— Я не собиралась тебе этого говорить.

— Угу.

Он достал из холодильника банку огурцов и попытался поддеть крышку ножом.

— Дай, — сказала Вера.

— Я сам.

Крышка поддалась с коротким хлопком. Илья поморщился, обнаружив на большом пальце порез.

Вера намочила бумажное полотенце и подошла к нему. Он позволил вытереть кровь, но стоял отвернувшись.

— Я не знаю пока всех подробностей, — сказала она. — Мне надо посмотреть документы.

— Так он не убивал?

— Суд его оправдал.

— А ты как думаешь?

Она сложила полотенце окровавленной стороной внутрь.

— Я не могу сейчас так быстро...

Илья посмотрел на неё.

— Ладно.

В этом «ладно» Вера услышала то, что обычно слышала, когда просила подождать до выходных: он не верил в обещанный срок и просто убирал просьбу обратно.

— Я поговорю с адвокатом. Завтра или послезавтра. Потом расскажу тебе.

— Мне в школе что говорить?

Вера открыла рот и закрыла.

Она была готова к телефону редактора, к письмам, даже к людям, которые захотят напомнить ей прежние слова. Но школьный коридор, в котором её сын должен был что-то говорить, почему-то до этой минуты не возник в голове.

— Скажи, что ты не обязан это обсуждать.

— Ну да. Так и скажу.

Он вытащил вилкой огурец и ушёл в комнату, оставив банку открытой.

Вера убрала её в холодильник. На контейнере с супом ещё виднелась Ильина приписка. Она провела по ней пальцем, но фломастер не стёрся.

Лена звонила с восьми. Вера ответила только в половине десятого, когда Илья закрыл дверь и включил музыку.

— Господи, наконец. Ты как?

— Дома.

— Я вижу. В смысле — держишься?

Лена дышала быстро, наверное, шла. На заднем плане щёлкал поворотник, потом голос произнёс название улицы.

— Мы все прочитали. Ты сейчас ничего не пиши. Просто вообще ничего. Даже друзьям. Всё, что ты скажешь, через минуту окажется в общем доступе.

— Я ещё не собиралась ничего писать.

— Отлично. Это правильно. Завтра обсудим с юристами. По тиражу тоже всё посмотрим.

Вера села на край кухонного стула.

— Там осталось его имя.

— Я помню.

— Полное.

— Вер, я помню текст.

За окном кто-то ставил машину, несколько раз сдавая назад. Фары медленно двигались по кухонному потолку.

— Мы ведь уже запускали издание, когда пришло уведомление о пересмотре, — сказала Лена. — На тот момент никаких новых решений не было. У тебя есть право рассказать о том, что ты пережила. Ты писала по материалам дела.

— Я писала «он убил моего мужа».

Лена помолчала.

— Сейчас придётся менять. Конечно.

Вера услышала собственное дыхание.

— Сколько книг ещё в магазинах?

— Я утром узнаю. Тебе сейчас лучше лечь. Ты ела?

Вера посмотрела на половину картофелины, оставленную сыном на тарелке.

— Да.

— Хорошо. И с Ильёй аккуратнее. Для него это тоже...

— Я знаю.

Она произнесла это громче, чем хотела.

Лена остановилась на полуслове, потом спокойно сказала, что позвонит утром.

Папка с материалами дела лежала в ящике под диваном. На ней стояли коробка с ёлочными игрушками и Ильины школьные поделки. Вера достала коробку, потом осторожно сдвинула макет моста из зубочисток. Несколько перекладин отломились. Она сложила их в крышку и вынула папку.

Прежде в этой папке лежали её рабочие бумаги. На обложке сохранилась круглая кофейная отметина. Антон однажды поставил на стол чашку, которую она считала слишком горячей для лака. Потом ей долго казалось, что все круглые следы в доме оставил он. Даже на предметах, купленных после его смерти.

Внутри пахло старой бумагой и пылью. Среди копий лежал конверт с фотографиями. Вера отложила его, не открывая. Она знала снимки по порядку, хотя много лет к ним не прикасалась.

Первая беседа. Дополнительные показания. Схема помещения. Подписи на нижних полях были её, неровные, непривычно крупные. Ей тогда всё время казалось, что она расписывается не там.

«При входе в коридор увидела Орлова Н. А., выходившего из помещения мастерской. На правой руке были следы крови».

Вера прочитала фразу дважды.

Коридор. Помещение мастерской. Она помнила дверь, которую задела плечом, желая скорее пройти. Помнила, что Орлов что-то говорил, но слов не разобрала. Голос его был высокий, сорвавшийся.

В книге он молчал.

Она достала из сумки новый экземпляр и раскрыла на нужном месте. Страница нашлась легко: Вера часто читала этот отрывок на первых встречах, когда ещё соглашалась рассказывать о самом вечере.

«Он оттолкнул меня и прошёл к выходу. Я запомнила его молчание. Человек, который только что отнял у меня целую жизнь, даже не счёл нужным заговорить».

Она положила книгу рядом с папкой.

Из комнаты сына донёсся смех. Там шёл какой-то ролик, и кто-то несколько раз подряд произнёс одно и то же слово. Вера прислушалась, не понимая, почему это сейчас кажется ей важным.

Потом снова посмотрела на страницу.

Он говорил. В этом она внезапно была уверена. Его губы двигались, он показывал за спину, рукой, той самой рукой, на которой была кровь. Она не могла вспомнить слов. За годы они так и не появились, а молчание появилось. Его было легче описать.

Дальше, в дополнительных показаниях, стояла фраза: «Самого момента нанесения удара не наблюдала».

Она знала это. Никогда не скрывала. Её спрашивали и на суде, и потом, она отвечала. Самого удара она не видела.

Но на другой странице был вопрос: «Вы уверены, что смерть вашего мужа наступила в результате действий Орлова?»

И короткий ответ под ним: «Да, уверена».

Вера провела пальцем по этому слову. Под бумагой лежали ещё десятки страниц, в которых чужие люди приходили к тому же выводу. Она читала их тогда с таким облегчением, что не запомнила почти ничего, кроме совпадения. Значит, виденное ею имело одно объяснение. Значит, мир ещё можно было разделить на случившееся и того, кто это сделал.

В дверях появился Илья. Он принёс пустую кружку и остановился, увидев разложенные бумаги.

— Это про папу?

— Да.

— Там фотографии?

— Здесь нет. Я убрала.

Она потянулась к конверту, лежавшему отдельно, и сын посмотрел на её руку.

— Я не маленький, — сказал он.

— Я знаю. Просто эти фотографии тебе не нужны.

Он поставил кружку на полку и наклонился к книге.

— А это ты зачем читаешь? Ты же сама писала.

— Сверяю.

— С чем?

Вера показала на папку. Илья прочитал несколько строк, потом выпрямился.

— Мам, а я правда так говорил?

— Что?

Он перелистнул книгу назад. Нашёл страницу с загнутым углом, который появился не у неё на глазах.

— Вот. «Мама, папу теперь всегда надо вспоминать?»

Вера помнила эту фразу. Она была на отдельной карточке для социальных сетей, на обороте первого издания и в двух интервью.

— Да, — сказала она. — Ты был совсем маленький.

Илья посмотрел на строчку.

— Я помню, что спрашивал, надо ли на кладбище надевать варежки.

— Ты и это спрашивал.

— Может быть.

Он коснулся сломанной перекладины моста.

— Тут подклеить можно. Только не моментом, он бумагу съедает.

— Хорошо.

Илья поднял кружку и пошёл на кухню. Вера услышала воду, звон ложки. Хотела позвать его обратно, сказать, что обе вещи могут быть правдой: и варежки, и вопрос про память. Что человек в четыре года говорит много, а потом помнит только некоторые слова.

Она даже поднялась, чтобы идти следом.

Но осталась возле дивана.

На развороте её сыну навсегда было четыре года. Он говорил словами, которые нужны были взрослым людям, брал мать за руку и помогал ей подняться. В соседней комнате настоящий Илья уронил что-то тяжёлое и выругался.

Вера закрыла книгу. Впервые за вечер ей захотелось услышать, что он скажет дальше.

Глава 4. Другой человек

В переговорной было слишком много стульев. Шесть вокруг небольшого овального стола, ещё два у стены. Вера пересчитала их, пока Ирина доставала из папки документы.

— Никита Андреевич подойдёт через несколько минут. Он сам решил прийти. Но если разговор станет для него тяжёлым, мы его закончим.

Вера кивнула. Ей хотелось сказать, что для неё он тоже будет тяжёлым, и от этой первой мысли стало стыдно.

Она положила сумку на соседний стул, потом убрала под стол, чтобы место оставалось свободным.

— Вы ознакомились с тем, что я прислала? — спросила Ирина.

— Да.

Ночью Вера читала до четырёх. В какой-то момент буквы перестали складываться в смысл, но она продолжала двигаться по странице, отмечая места жёлтым маркером. К утру цветными стали почти все листы. Теперь папка лежала у неё на коленях, и Вера не решалась её открыть: выделенное могло показаться попыткой подготовиться к спору.

— По поводу книги я говорила с редактором, — сказала она. — Они разберутся с тиражом. Обещали.

— Мне нужен контакт человека, который может решать этот вопрос.

— Я передам.

— Спасибо.

Ирина записала что-то в блокнот. На её запястье висела тонкая резинка для волос. Вера подумала, что у неё самой такая же лежит в ванной, на полочке возле зубных щёток. Это ничтожное сходство почему-то помогало держаться.

За дверью заговорили. Потом она открылась, и вошёл Никита.

Вера встала слишком быстро, задев коленом стол. Крышечка от бутылки воды покатилась по столешнице. Никита остановился у двери, пока она ловила её пальцами.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Здравствуйте.

Он посмотрел на свободные стулья, выбрал тот, что стоял ближе к выходу, и сел. Куртку не снял. Только разжал молнию у шеи.

Вера села напротив. Ей казалось, что лицо его ей хорошо знакомо, но каждое движение нарушало это ощущение. Фотографии не показывали, как он поднимает левое плечо, когда думает, как придерживает второй рукой запястье и каким взглядом провожает человека, проходящего за стеклом в коридоре.

Ирина закрыла дверь.

— Никита Андреевич, начнём с книги?

Он кивнул и вынул из пакета старый экземпляр. Обложка со скамейкой истёрлась по краям. Вера увидела свой прежний портрет на обороте: она сидела боком, положив руки на колени, и смотрела прямо в объектив. Фотограф просил не улыбаться, но думать о чём-нибудь тёплом.

Никита раскрыл книгу на странице с закладкой.

— Здесь написано, что я за всё время ни разу не попытался извиниться.

— Да, — сказала Вера.

— Вы понимаете почему?

Она посмотрела на него. Он ждал ответа всерьёз.

— Теперь понимаю.

— А раньше что думали?

На улице, за окном третьего этажа, ветер поднимал упаковку от сигарет. Она долетала до уровня подоконника и падала вниз.

— Что вам всё равно, — сказала Вера.

Никита провёл ладонью по открытому развороту.

— Я писал, что не делал этого. На суде говорил. Вам тоже говорил.

— Я помню.

— Значит, попытка была. Только другая.

Вера положила ладони на папку, чтобы он не видел, как они дрожат.

— Мне очень жаль, что так случилось.

Никита поднял глаза.

Она услышала, насколько удобной получилась фраза. В ней не было никого, кто что-то сделал.

— Я тогда... — начала Вера. — Мне было нужно как-то остаться жить. У меня был ребёнок. Я видела вас там, а потом всё совпадало. Другие показания, заключения. Я не могла представить, что...

— И поэтому вы меня простили?

Она замолчала.

— В книге так. И вчера так говорили.

Вера посмотрела на Ирину, хотя та ничем не могла помочь.

— Я пыталась объяснить, что перестала ненавидеть. Это касалось моей жизни.

Никита чуть наклонился над столом.

— Вы двенадцать лет меня прощали. Когда начнёте извиняться?

Из коридора донёсся звук принтера. Тот выплёвывал листы с равными паузами, и Вера почему-то отсчитала четыре.

— Я дала показания, — сказала она. — Я сказала, что уверена в вашей вине. Потом написала это в книге. Я рассказывала людям о вас, хотя не знала вас. Я прошу у вас прощения.

Она произнесла всё сразу и испугалась облегчения, которое почувствовала на последнем слове. Ей хотелось, чтобы он теперь что-нибудь сделал с этой просьбой. Хотя бы отказал. Ожидание между ними было настолько привычным, что она почти знала дальнейшие реплики: человек признаёт, другой выслушивает, оба уже немного другие.

Никита закрыл книгу.

— Я услышал.

Вера ждала.

Он больше ничего не сказал.

Ирина подвинула к нему блокнот. Он посмотрел на короткий список, написанный её рукой, и снова заговорил:

— Я хочу, чтобы в новых книгах моего имени не было. Вообще. И чтобы вы на встречах не объясняли, что я чувствую. Вы там сказали, будто мне всё равно. Вы и сейчас не знаете.

— Хорошо.

— И без других фамилий. Чтобы меня можно было узнать, но как будто это не я.

— Хорошо, — повторила Вера.

— Исправление тоже надо. Чтобы те, кто читал, увидели.

Она кивнула.

Ирина записывала. Вера почувствовала слабое раздражение от того, что её согласие фиксируют, словно она может передумать. Она подавила его и потянулась к воде.

Никита следил за движением бутылки, потом отвёл глаза.

— Я могу помочь, — сказала Вера. — С работой. Или с жильём. Не знаю, что вам сейчас нужнее. Я понимаю, что это ничего не...

— Вы не знаете, где я живу.

— Да. Поэтому спрашиваю.

— И работать где я хочу, тоже не знаете.

— Вы можете сказать.

Он посмотрел на неё устало, и впервые Вера увидела в нём почти ровесника. Человека, которому неудобно сидеть, который плохо спал и пришёл на неприятную встречу, потому что кому-то всё равно нужно было сюда прийти.

— Я пока сам не знаю, — сказал он. — Вчера вышел.

Вера опустила бутылку на стол.

Она дала ему меньше суток. За это время он должен был узнать город, решить, какая ему нужна работа, понять, чего он хочет от жизни, и сообщить ей способ облегчить собственную совесть. Всё это стояло в её предложении, хотя она хотела только помочь.

— Простите, — сказала она ещё раз.

— У вас сын большой уже?

Вопрос был таким неожиданным, что она ответила не сразу.

— Шестнадцать.

Никита кивнул, будто проверил вычисление.

— Тогда четыре было.

— Да.

Он посмотрел на книгу.

— Я помню. Он у вас в зелёной куртке приходил. В коридоре.

Вера вспомнила: мать привезла Илью, потому что его не с кем было оставить, а заседание затянулось. Он уснул у бабушки на руках. Куртка была зелёная, с оторванным язычком на молнии. Вера потом пришила вместо него маленькое кольцо.

Ей никогда не приходило в голову, что Никита тоже видел её ребёнка.

— Он знает? — спросил он.

— Да.

— Вы ему объясните. Пожалуйста.

Она кивнула.

На этом Никита, кажется, решил закончить. Взял книгу, сунул в пакет и потянул молнию вверх. Та снова застряла, и он оставил её на середине.

Вера встала вместе с ним.

— А ваша семья? — спросила она. — Они...

Он остановился.

— Что они?

— Встретили вас?

— Сестра встретила.

Вере хотелось спросить о матери. Она помнила маленькую женщину на заднем ряду, которая смотрела на неё без ненависти, и этот взгляд тогда казался особенно невыносимым. Вера считала, что мать преступника должна либо стыдиться, либо защищать. Та сидела и смотрела так, словно ждала от Веры какого-то простого действия: встать, открыть окно, принести воды.

— Мама вам писала, — сказал Никита.

Вера не поняла, спросил он или сообщил.

— Мне приходило много писем, — ответила она и сразу почувствовала, как изменилось его лицо.

Он отошёл от стола.

— Её уже нет. В девятнадцатом году умерла.

— Мне очень жаль.

Слова прозвучали точно так же, как несколько минут назад.

Никита взялся за ручку двери. Ирина поднялась проводить его в коридор.

Вера осталась возле стула, пока они говорили снаружи. Она не слышала слов. На краю стола лежала маленькая нить, оторвавшаяся, наверное, от его куртки. Вера взяла её, скрутила между пальцами и бросила в мусорную корзину.

Ирина вернулась.

— Мы свяжемся с вашим редактором. Если вы готовы сделать исправление публично, сначала согласуем факты. О ваших чувствах решайте сами, но без сведений о нём, которых он не хочет раскрывать.

— Он не взял воду, — сказала Вера.

Ирина посмотрела на две запечатанные бутылки перед его стулом.

— Я предложила. Он отказался.

Вера кивнула, хотя спрашивала о другом. Она не знала, о чём именно.

На улице Никиты уже не было. Возле входа курили двое мужчин в офисных рубашках. Один держал пальто на согнутой руке, другой отворачивался от ветра, прижимая телефон к уху.

Вера дошла до машины, села, достала блокнот и написала на чистой странице: «Я прошу прощения».

Потом вырвала лист.

Она уже сказала это ему. Никто не просил говорить ещё раз на бумаге.

Глава 5. Семейный ужин

Миша привёз велосипедный переключатель и два пакета продуктов. Переключатель он сразу отдал Илье, а пакеты поставил на кухонный пол, будто приехал в обычный четверг, когда по дороге домой случайно вспомнил про сестру.

— Только сначала посмотри, подходит ли, — сказал он племяннику. — Я этому мастеру объяснял, он кивал, а потом спрашивает: у вас самокат?

Илья вынул деталь из коробки и повернул к свету.

— Подходит.

— Ты не торопись. Там вернуть три дня.

— Подходит, дядь Миш.

Брат потрепал его по голове. Илья пригнулся, но не отстранился.

Мать уже была у Веры: приехала за час до Миши и успела вымыть сковородку, с которой Вера собиралась разобраться утром. На плите грелась капуста с мясом. В духовке стояла форма с пирогом.

— Ты хоть бы форточку открыла, — сказала Нина Сергеевна. — Дышать нечем.

Вера открыла форточку. Сквозняк поднял край календаря, лежавшего на подоконнике. Мать положила на него кухонную прихватку, чтобы бумага не шуршала.

До этого они говорили только о дороге и продуктах. Нина Сергеевна рассказывала, что в магазине у дома опять меняют ценники, и с особенной подробностью описывала, как кассирша отказывалась пробить масло по старой цене. Вера слушала, понимая: мать даёт ей время. Нужно было самой произнести первое слово, чтобы потом этот вечер не выглядел допросом.

Но с приездом Миши время закончилось.

Он заглянул в духовку, получил по руке полотенцем и сел за стол.

— Ну что, — сказал он. — Разговаривала?

Вера кивнула.

— И как?

— Он хочет, чтобы его имя убрали из книги. И исправление.

— Это всё?

Она подняла глаза.

— А что ещё?

— Я откуда знаю. Компенсацию, например. Сейчас всякие истории бывают.

Илья перестал вертеть переключатель.

— Ему должны заплатить, — сказал он.

— Государство заплатит, — ответил Миша. — Я про другое.

Мать вынула тарелки и поставила на стол четыре штуки. Пятая, для Оксаны, осталась у неё в руке.

— Она с девочками дома? — спросила Нина Сергеевна.

— У младшей температура.

— Что ж ты нам сразу не сказал?

— Вчера начал мерить — всё было нормально. Сегодня тридцать семь и шесть. Оксана уже знает, кого вызывать, с кем ругаться и что я опять сделал не так.

Илья улыбнулся.

Вера знала эту улыбку. В детстве сын так улыбался Антону, когда тот рассказывал, как они с Мишей ездили за стройматериалами и вернулись с пылесосом. Потом Антона не стало, и Миша забрал себе маленькое место за столом, откуда можно было развеселить мальчика одним взглядом. Он не пытался заменить отца. Просто приезжал, когда надо было вынести тяжёлое, забрать Илью с секции, починить слив. Вера часто думала, что без брата они бы не справились.

— Есть будете? — спросила мать.

Она подала капусту и начала раскладывать, не дожидаясь ответа.

Вера смотрела на её руки. На указательном пальце была свежая царапина, заклеенная узкой полоской пластыря. Мать всегда заклеивала порезы так, что пластырь отходил к вечеру, но на более широкий жалела денег.

— Он двенадцать лет отсидел, — сказала Вера.

Миша поднял на неё глаза.

— Мы знаем.

— Просто я сегодня с ним разговаривала. Мне казалось, надо вам сказать.

Мать положила ложку на край блюда.

— Верочка, мы же все понимаем. Это страшная ошибка. Но её совершила не ты одна. Там были люди, которые за это отвечают, у которых работа такая. Ты пришла и рассказала, что видела.

— Я сказала, что он убил Антона.

— Потому что так думала.

— Я и в книге так написала.

— А что тебе надо было писать? Ты должна была тогда всё проверить? С грудным ребёнком на руках?

— Мне четыре было, — сказал Илья.

— Илюша, я помню.

— Ну ты сказала — грудной.

Мать поджала губы. Вера опустила глаза в тарелку. За всю жизнь она не смогла бы припомнить другого случая, когда была так благодарна сыну за упрямую поправку.

— Ешь, остынет, — сказала Нина Сергеевна уже ему.

Миша разрезал мясо краем вилки.

— Ты с адвокатом своим говорила?

— У меня нет своего адвоката.

— Значит, нужен. Что издательство говорит?

— Пока ничего.

— Надо, чтобы они включались. Они же тоже зарабатывали на книге. Пусть помогают.

Вера почувствовала, как в животе появилось знакомое расслабление. Брат уже разбирал ситуацию на действия: найти человека, позвонить, проверить, кто за что отвечает. Так было, когда умер Антон. Миша привёз её домой, нашёл похоронную службу, купил сыну новую куртку, потому что прежняя осталась у матери. Она сама тогда едва могла выбрать между чаем и водой. Брат умел выбирать за неё.

Она взяла стакан, сделала глоток и поставила обратно.

— Я не хочу пока защищаться.

— От чего?

— Не знаю. Ты уже говоришь так, будто надо.

Миша отложил вилку.

— Я говорю, что нельзя сидеть и ждать, пока на тебя всё повесят. Ты же не специально соврала. Или специально?

Вера посмотрела на него.

— Нет.

— Ну вот.

Он снова взял вилку. Ответ оказался достаточным, чтобы можно было вернуться к еде.

Вера вдруг захотела сказать, что между намеренной ложью и тем, что она сделала, есть ещё огромное пространство. Что она помнит в книге молчание человека, который говорил. Что собственная уверенность сейчас представляется ей чем-то, что она много лет подкрашивала,

стараясь не задеть края. Но за столом сидела мать, перед Ильёй остывало мясо, брат устал после работы, и Вера не знала, с какой фразы начать так, чтобы её не стали немедленно утешать.

— А письма от его матери приходили? — спросила она.

Нина Сергеевна поднялась за пирогом.

— Какие письма?

— Орлова. Тамара. Она писала мне.

Мать взяла прихватку, лежавшую на календаре, и подошла к духовке.

— Приходили какие-то. Ты тогда кому только не была нужна.

— Где они?

— Вер, ты ешь.

— Мам, где письма?

Пирог появился на плите. Нина Сергеевна отложила прихватки и повернулась.

— Я тебе отдавала. Наверное. Не помню. Давно это было.

— Я могу сама посмотреть у тебя?

— Смотри, конечно. Я же ничего не прячу.

Миша потянулся за хлебом. У Ильи зазвонил телефон, он посмотрел на экран и перевернул его, не отвечая.

— Кто? — спросила Вера.

— Никто.

— Из школы?

— Мам, я же здесь сижу. Мне можно иногда не отвечать.

Миша усмехнулся.

— Правильно. А то дядя Миша тоже так не умеет.

Пока ели пирог, мать заговорила о зимних каникулах. Вера поняла, что решение уже принято: они все поедут к Мише, Оксана приготовит салаты, девочки получат подарки, Илье купят что-нибудь «по его возрасту», хотя никто не знал, что именно к этому возрасту прилагается. У семьи было будущее на ближайшие два месяца. Мать перечисляла его вслух, будто ставила вокруг стола ещё несколько стульев.

— Я не поеду, — сказал Илья.

— Куда? — спросила она.

— На каникулы. Я с ребятами договорился.

— Рано вы договорились.

— Ну вы тоже договорились.

Миша засмеялся, потом увидел лицо матери и прикрыл рот ладонью.

После ужина они с Ильёй ушли смотреть велосипед. Из коридора доносились названия деталей и короткие споры. Брат говорил «натяжитель», сын поправлял: «переключатель». Вера убирала тарелки, мать мыла.

— Ты со мной как с чужой, — сказала Нина Сергеевна, не оборачиваясь.

— Я просто спросила про письма.

— Думаешь, я специально тебе их не дала?

Вера остановилась с тарелкой в руке.

— А не дала?

Вода продолжала течь. Мать подставила под струю стакан, повернула, поставила на сушилку.

— Ты после каждого такого письма ночь не спала. Садилась на пол в прихожей. Ты помнишь? Я с тобой сидела. Нельзя было всё это тебе тащить.

Вера поставила тарелку возле раковины.

— Значит, не все дала.

— Я тебя берегла.

Нина Сергеевна наконец обернулась. Вера увидела в её глазах настоящее недоумение. Мать не понимала, в чём нужно оправдываться: дочь была жива, внук вырос, на столе стоял пирог. Всё, что она делала, имело результат, который можно было показать руками.

— Я завтра приеду и посмотрю, — сказала Вера.

Мать пожала плечами.

— Приезжай. Только утром меня не будет, к врачу записана.

Потом они долго одевались. Миша не мог найти второй ботинок: Илья отодвинул его под тумбу, освобождая место для велосипеда. Мать стояла в пальто и продолжала давать советы, теперь уже о том, как проветривать кухню, чтобы не застудить сына. Брат обнял Веру одной рукой, другой придерживая пакет с пирогом.

— Нормально всё будет, — сказал он ей в ухо. — Не первый раз разбираемся.

Она кивнула по привычке.

Когда дверь закрылась, в прихожей стало просторно. Илья присел возле велосипеда, нажал пальцем на цепь и, не поднимая головы, спросил:

— Ты думаешь, он тебе поверил?

— Кто?

— Орлов. Ты сказала ему, что ошиблась?

— Сказала.

Сын покрутил педаль назад. Цепь прошла по зубцам с ровным шелестом.

— А если он тоже не поверит? Ты ему тогда не поверила.

Вера опустилась на пуфик возле двери.

— Не знаю, Илюш.

Он посмотрел на неё. Кажется, ответ удивил его больше, чем всё, что он услышал за вечер.

— Ладно, — сказал он.

На этот раз Вера не почувствовала, что её оставили с невыполненным обещанием. Илья вернулся к велосипеду, а она осталась рядом, придерживая колесо, когда он попросил.

Глава 6. Без назначения платежа

Утром издательство прислало Вере отчёт. Таблица была составлена ещё до решения суда: продажи за квартал, остатки, сумма к перечислению. Лена переслала её без комментария, следом написала: «Я на связи. Как проснёшься, набери».

Вера открыла банковское приложение, посмотрела на остаток и вернулась к переписке с Ириной.

«Я хочу передать Никите деньги. Это доход от книги. Скажите, пожалуйста, каким способом лучше».

Она перечитала сообщение. В таблице были деньги за последние три месяца. За прошлые годы они уже превратились в ремонт, одежду, стоматолога, Ильины занятия, две поездки к морю. Вернуть всё, что она получила, одним переводом было невозможно. Она начала считать, сколько сможет перечислять каждый месяц, потом поймала себя на том, что уже выбирает сумму, при которой её собственная жизнь изменится не слишком заметно.

Вера закрыла приложение и отправила Ирине другой текст:

«Если Никита захочет обсудить доход от книги, я готова. Не буду писать ему напрямую».

Ответ пришёл через двадцать минут: «Передам. Сейчас он просил заняться исправлением сведений».

Она прочитала и почувствовала обиду. Ей давали работу, которую она уже обещала сделать, вместо той, которую она выбрала сама. Вера положила телефон экраном вниз, не доверяя себе ещё одно сообщение.

У матери в квартире пахло пылью от батарей. На кухонном столе лежала записка: «Суп в холодильнике, не оставляй дверь балкона открытой». Под ней Нина Сергеевна нарисовала стрелку в сторону холодильника, будто дочь могла не понять, о каком именно идёт речь.

Вера сняла ботинки и прошла в маленькую комнату, которую мать по-прежнему называла детской. Здесь стоял компьютерный стол Миши, хотя он уже пятнадцать лет жил отдельно. На верхней полке шкафа лежали папки. «Квартира». «Пенсия». «Антон». На последней мать написала только имя, без фамилии, и Вера на секунду почувствовала к ней такую нежность, что захотелось поставить всё обратно.

Она отнесла папку к столу.

Внутри оказались копии документов, газетные вырезки, фотография Ильи в детском саду и несколько конвертов, скреплённых резинкой. На одном было написано: «Ланской Вере Сергеевне лично». Почерк крупный, с длинными хвостами у букв. Клапан был вскрыт ножом.

Вера вынула два листа.

«Вера Сергеевна, я не знаю, дойдёт ли до Вас моё письмо. Мне сказали, что нельзя Вас беспокоить. Я сама понимаю, какое у Вас горе, и не хочу к нему ничего прибавить».

Она читала стоя. Стул зацепился за край ковра, и почему-то не хотелось его выдвигать.

«Мой Никита не умеет хорошо говорить. Он когда волнуется, начинает злиться, а потом кажется, будто ему всё безразлично. Я знаю, что после суда он Вам что-то крикнул. Мне за это стыдно. Но он не убивал Вашего мужа. Он мне говорит, что пытался помочь. Я не прошу Вас поверить только потому, что я мать. Я прошу, если Вы хоть чего-то не помните, скажите, что не помните. Пожалуйста, не старайтесь вспомнить за него плохое».

Вера опустила листы.

За стеной у соседей работал телевизор. Кто-то взволнованно предлагал купить кухонный прибор до конца месяца. Голос был таким радостным, что Вера подошла закрыть дверь, и только тогда поняла: тише от этого не станет, звук шёл сквозь стену.

Внизу письма стояли дата и номер телефона. Две цифры были исправлены поверх старых, чернила чуть расплылись.

В следующем конверте лежала одна страница. Тамара Андреевна писала, что отправила первое письмо год назад, но, возможно, оно потерялось. У неё теперь другой номер. Если Вера не хочет разговаривать, можно просто сообщить, что получила письмо, чтобы Тамара знала: писать дальше не нужно.

В третьем конверте была открытка.

Вера перевернула её. Снежный дом, золотая звезда, внутри несколько строк обычного поздравления. Тамара Андреевна желала ей и сыну здоровья. Больше ничего.

На открытке не было года. Штемпель стёрся. Вера поднесла её к окну, наклонила, пытаясь прочитать оставшиеся цифры, и вдруг ей стало трудно стоять.

Она села на Мишин стул.

Ей хотелось, чтобы третьего конверта не было. Два первых можно было отнести к делу, положить рядом с другими просьбами пересмотреть показания, объяснить материнской надеждой. Поздравление не просило ничего. Его даже нельзя было выполнить.

Телефон завибрировал. Звонила мать.

— Ты там?

— Да.

— Нашла?

Вера посмотрела на открытку.

— Нашла.

— Ну хорошо. Ты только не раскидай мне всё. Там копии по порядку.

— Я положу.

— Я ещё у врача сижу. Такая очередь, кошмар. Ты суп поешь. Там куриный.

— Мам, она просила просто ответить, что я получила.

На том конце послышался чужой голос. Нина Сергеевна сказала кому-то: «Я за вами», потом вернулась к разговору.

— Вер, я сейчас не могу. Давай дома.

— Хорошо.

— Ты не накручивай себя, пожалуйста. Я всё это помню. Ты тогда вообще ничего не могла читать.

Вера закрыла глаза.

— Я знаю.

Она закончила разговор и разложила конверты по датам. Их было три. Она несколько раз пересчитала, потом убрала в чистый файл.

Перед уходом Вера открыла холодильник. На средней полке стояла кастрюля, прикрытая маленькой тарелкой: крышку мать разбила ещё весной. Вера подняла тарелку, увидела на поверхности жёлтый жир, картофель и мелко нарезанную зелень. Суп был приготовлен для неё сегодня утром. Она долго смотрела в кастрюлю, потом закрыла холодильник и вышла, так и не поев.

Лариса согласилась встретиться после смены. Соколова передала Вере её номер, отдельно написав, что сестра Никиты знает, кто будет звонить. По телефону они говорили недолго: Вера объяснила, что нашла письма матери, Лариса спросила, зачем их привозить, и после паузы назвала остановку возле больницы.

Вера приехала раньше и ждала в машине. На заднем сиденье лежал пакет из цветочного магазина. Она купила небольшой букет, потом поняла, как это будет выглядеть, и оставила в салоне. Теперь время от времени оборачивалась на белые хризантемы, раздражаясь на собственную беспомощность.

Лариса вышла со стороны служебного входа. На ней было короткое пальто и сапоги с поношенными каблуками. Шла она быстро, слегка прихрамывая после каждого третьего шага.

— Здравствуйте, — сказала Вера, выбравшись из машины.

— Здравствуйте.

Они узнали друг друга. Лариса задержала взгляд на Вериной машине, потом показала на скамейку у остановки.

— Мне автобус через десять минут.

Они сели. Между ними осталась Вериная сумка.

— Вот, — сказала Вера и протянула файл.

Лариса не взяла его сразу.

— Вам мама писала.

— Я знаю. Мне кажется, они должны быть у вас.

Та вынула первый лист, прочитала начало и убрала обратно.

— Вы их видели тогда?

— Нет.

— А сейчас нашли?

— Да. У своей матери.

Лариса кивнула. Лицо её не изменилось, и Вера поняла, что объяснение ничего не облегчило.

— Я могла спросить раньше, — сказала она.

Сестра Никиты посмотрела на часы.

— Могли.

У остановки затормозила маршрутка. Из неё вышла девушка с большой сумкой. Лариса чуть подобрала ноги, пропуская её мимо скамейки.

— Я хотела узнать про вашу маму, — сказала Вера. — Как она...

— Зачем?

Вера замолчала.

— Чтобы понять.

Лариса провела большим пальцем по краю файла.

— Она умерла. Похоронили. Никита не приехал. Что ещё вам понять?

— Мне очень жаль.

— Я верю.

Вера повернулась к ней.

— Правда, верю, — повторила Лариса. — Только я сейчас с работы. У меня ноги гудят. Я всю ночь не спала, потому что он тоже не спал. И мне опять надо домой. Я не могу сейчас ещё с вами сидеть.

Вера почувствовала, что краснеет.

— Я не прошу меня утешать.

— А я не хочу ждать, когда вы попросите.

Лариса убрала письма в сумку. Вера посмотрела на её сапоги: на одном каблуке отслаивалась тонкая полоска покрытия. Раньше она сказала бы, что ничего не заметила, потому что человек важнее обуви. Сейчас ей было стыдно, что она замечает именно это и уже невольно думает, чем можно помочь.

— Он вчера сам к ней ездил, — сказала Лариса через некоторое время. — На кладбище. Я ему схему нарисовала. Он смеялся, что я деревья как брокколи рисую. Раньше тоже так говорил.

Она вдруг улыбнулась, и Вера на секунду увидела женщину, какой та была вне их встречи. У неё был брат, который и раньше подшучивал над её рисунками, и эта жизнь не нуждалась в Вериной оценке.

— Простите, — сказала Вера. — Я вас задержала.

Подошёл автобус. Лариса поднялась, и Вера встала следом.

— Письма пусть у вас остаются, — сказала Лариса и протянула файл обратно.

— Вы не хотите их взять?

— У меня её почерк есть.

Она поправила сумку на плече и пошла к автобусу.

Вера не стала провожать. Постояла возле скамейки, потом вернулась в машину. На заднем сиденье всё ещё лежали цветы. Она переложила их в багажник, чтобы не видеть в зеркале, и села за руль.

Дома Илья попросил денег на новые тормозные колодки. Вера перевела, спросила, не нужна ли помощь, и он ответил, что завтра зайдёт к другу, у того есть инструмент. Потом показал ей маленький ожог на ладони от паяльника. Она поворчала, нашла мазь и дала, стараясь не хватать его за руку.

Вечером пришёл текст от издательства. Лена предлагала короткое заявление: Вера доверяла правосудию, разделяет боль всех пострадавших, надеется на полное установление обстоятельств. Последней фразой было выражение готовности к открытому диалогу.

Вера прочитала несколько раз. Текст был гладкий, осторожный. Его можно было опубликовать прямо сейчас и перестать сидеть в тишине, пока телефон наполняется чужими вопросами.

Она написала: «Я доверяла и себе. Этого здесь нет».

Лена ответила почти сразу: «Давай утром. Сейчас все на нервах».

Вера отложила телефон и вынула из файла письма.

Открытка легла рядом с тетрадью, в которой когда-то начиналась её книга. Тетрадь нашлась днём у матери, в той же папке, под газетными вырезками. Вера не помнила, как оставила её там. На первых страницах были списки покупок, время приёма у врача, номер телефона женщины, помогавшей с Ильёй. Потом почерк менялся, становился шире и торопливее.

Она листала, узнавая отдельные строчки. Многие вошли в книгу почти без изменений. На других она оставляла пропуски, собираясь дописать позже.

На середине разворота стояла дата, через два дня после смерти Антона. Под ней было всего одно предложение:

«Я сказала им, что не уверена».

Вера прочитала его, потом проверила дату.

Ещё раз вернулась к строчке.

Она не помнила, кому сказала. Не помнила, о чём её спрашивали. На следующей странице уже шли расходы на похороны, рядом с суммами чужая рука поставила галочки.

Вера придвинула лампу. Вгляделась в собственный почерк, как будто под ним можно было рассмотреть то, что она не стала записывать.

За стеной Илья разговаривал с другом. Смеялся, возмущался, объяснял, почему чужой велосипед нельзя чинить кухонным ножом. Вера слышала каждое слово и не пыталась сделать потише.

Она открыла новую страницу в блокноте и аккуратно переписала дату.

Глава 7. Имя матери

Утром после освобождения, ещё до встречи с Верой, Никита пошёл на кладбище.

Лариса нарисовала на схеме три дерева и написала возле последнего: «Здесь направо». Никита повернул, прошёл между оградками и оказался в другом ряду. Тут стояли одинаковые новые памятники, а у матери, он знал по фотографии, был светлый камень с закруглённым верхом.

Он вернулся к деревьям. Лужа возле второго за утро покрылась тонким льдом. Подошвой он проломил его, и вода залила след. От ворот тянуло дымом: мужчина в ватной куртке жёг листья в железной бочке. Никита уже проходил мимо него, но тогда не спросил дорогу. Теперь придётся спрашивать.

— Девятый участок? — переспросил мужчина. — Это ты куда зашёл. Девятый вон, через проезд. Забор видишь? За ним старые берёзы.

Никита посмотрел на схему.

— Мне сказали — направо.

— Оттуда направо. А ты отсюда пришёл.

Мужчина вытер ладонью нос и опять наклонился к бочке. Никита поблагодарил и пошёл вдоль забора. Пакет с цветами зацепился за прут, он остановился освободить ручку. На схеме всё выглядело иначе. У Ларисы была своя точка, из которой начиналась дорога к матери, и брату почему-то казалось, что он обязан встать в неё без подсказки.

Могила нашлась возле низкой рябины. На оградке висела связка побуревших искусственных лилий. Никита открыл калитку, вошёл и придержал её, чтобы не стукнула.

С фотографии смотрела мать в тёмной блузке. Лариса привезла этот снимок на свидание вместе с копией свидетельства о смерти и другими бумагами. Но здесь её лицо было увеличено, выровнено, вокруг волос появилось светлое облако. Ретушёр убрал морщину между бровями. Никита долго смотрел на это место, пытаясь вернуть морщину обратно.

На камне стояли имя, отчество и фамилия. Внизу, отдельно, — даты.

Он положил цветы на плиту. Прозрачная обёртка громко затрещала. Никита снял её, свернул, засунул в карман. Вода в маленькой гранитной вазе замёрзла, и поставить стебли оказалось некуда. Он попробовал разбить лёд ключом от квартиры Ларисы, потом остановился. Цветы можно было просто положить.

— Вот, — сказал он.

Голос прозвучал так, словно он принёс матери покупки, о которых они договаривались утром.

На скамейке лежал толстый слой листьев. Никита смёл их рукой и сел. Соседняя оградка была перевязана белой лентой; дальше, у свежей земли, стояла женщина с хозяйственной сумкой. Она вынула оттуда щётку и начала чистить дорожку короткими сильными движениями.

Он отвернулся.

До сегодняшнего дня ему представлялось, что здесь нужно будет что-то сказать. Сообщить, что его оправдали. Что она всё время знала правду. Что теперь можно успокоиться. Но перед камнем эти слова не находили человека, которому предназначались. Мать не волновалась о новом решении, не ждала звонка адвоката, не смотрела, как по лестнице спускается сын. Ему нечем было изменить годы, которые она прожила, ожидая его возвращения, сколько бы раз он ни повторил, что его оправдали.

Никита нагнулся, поднял прутик, лежавший возле носка ботинка. Переломил и положил половинки рядом.

Потом всё-таки сказал:

— Меня выпустили, мам.

Женщина за оградкой перестала мести. Он почувствовал её взгляд и замолчал. Ему было неприятно, что кто-то услышал именно эту фразу. В ней не было ничего про невиновность, будто он просто дождался срока и теперь пришёл объяснить опоздание.

Он вытащил телефон. На экране высветилось сообщение от сестры: «Нашёл?»

Никита написал: «Да».

Больше сказать было нечего.

Он посидел ещё, потом начал собирать листья с могилы. Работать оказалось легче. В узкой щели между плитой и основанием проросла сухая трава. Никита вытаскивал её по одному стеблю, стараясь не рассыпать землю на камень. Под пальцами нашлась маленькая пластиковая пуговица. Он не понял, откуда она взялась, положил на край скамейки и продолжил.

Мать любила жаловаться на чужие пуговицы: в новом пальто их пришивали так, что не успеешь выйти из магазина — уже потеряешь. Он покупал ей нитки и иголки с большим ушком. Она отказывалась от помощи, потом долго просила вдеть нитку, потому что очки остались на кухне. Никита сердился: ну так сходи на кухню. Вспомнив это, он вдруг поднял голову к фотографии, как будто мать могла застать его за той же несправедливостью.

Телефон зазвонил у него в руке.

На экране было имя Галины.

Он встал. Несколько секунд смотрел на имя, потом вышел за калитку и ответил.

— Да.

— Никит, здравствуй.

— Здравствуй.

— Я не помешала?

Он оглянулся на камень.

— Нет.

Галина вздохнула. На заднем плане кто-то спросил про расписание, она тихо ответила и отошла. Её голос стал ближе.

— Я хотела сама позвонить. Лариса сказала, что дала номер.

— Дала.

— Ты как?

Он упёрся ладонью в холодную ограду.

— Нормально.

— Хорошо.

Они замолчали. За двенадцать лет у Галины появился другой способ пережидать тишину. Раньше она сразу начинала заполнять её: спрашивала, купил ли он хлеб, где лежат квитанции, во сколько вернётся. Сейчас она ждала без звука, оставляя ему необходимость что-нибудь сделать.

— Я бы хотел Алису увидеть, — сказал Никита.

— Я понимаю.

— Ты с ней говорила?

— Да. Она всё знает. Новости тоже читала.

Никита крепче сжал прутья. В детстве он не мог открыть на даче старую калитку: замок заедал, и отец велел сначала надавить, потом тянуть. Ладонь сейчас сама сделала это движение.

— И что она говорит?

— Ей нужно время. Я не хочу решать за неё. Но и так оставлять тоже не хочу.

— Как — так?

Галина выдохнула в трубку.

— Чтобы она боялась ответить неправильно. Понимаешь? Я ей сказала, что она может захотеть встретиться, а может пока не захотеть.

— Конечно, может.

Ответ получился жёстким. Никита услышал и добавил:

— Я не собираюсь её заставлять.

— Знаю. Я просто объясняю, о чём мы говорили.

Она предложила встретиться в конце недели. У Алисы по субботам занятия в художественной студии. После них можно посидеть в кафе рядом. Недолго. Галина будет поблизости, если дочь захочет уйти.

— Она сама согласилась? — спросил Никита.

— Сама. Но я ещё раз спрошу накануне.

Он закрыл глаза. До субботы было несколько дней, и каждый уже представлялся заполненным ожиданием. Он хотел спросить, что Алиса любит, какой у неё сейчас цвет волос, как она произносит его имя, но понял, что эти вопросы придётся задавать самой дочери, если она разрешит.

— Хорошо, — сказал он.

— Только, Никит... без большого подарка, пожалуйста. Ей будет неловко.

— Я понял.

— И ещё. Она может не вспомнить то, что помнишь ты. Не расстраивайся при ней. Она не виновата.

Он убрал руку с ограды. На ладони осталась полоса ржавчины.

— Я знаю, что она не виновата.

— Да. Извини. Я не так сказала.

После разговора Никита постоял возле рябины, потом вернулся внутрь. На могиле лежали цветы, разложенные чуть в сторону. Он поправил их и поднял с лавки найденную пуговицу. Сначала хотел положить обратно в землю, но убрал в карман, к шуршащей обёртке.

— Я к Алисе пойду, — сказал он матери.

Женщина у соседней оградки уже ушла. Теперь можно было говорить, но Никита больше ничего не нашёл.

На обратном пути он зашёл в киоск возле остановки, купил чай в бумажном стакане и стал смотреть, как продавщица складывает сдачу. Та недосчитала пятьдесят рублей. Он заметил это сразу, но почему-то промолчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.